

чуждые Астафьеву по своему мировоззрению, достойны только предельно четких, холодных и ироничных характеристик. Говоря о них, автор словно записывает хронику приспособленничества и бюрократизма. Рассказывая о судьбах двух молодых семей, Виктор Петрович «всей субъективной организацией произведения» [Корман 1977: 27] закрепляет в сознании читателя, что именно о Солодовниковых, как о сильных, достойных героях войны должно помнить современное поколение. Так, Данила остается в памяти человеком спокойным и заботливым, Марина, пусть сломленная, но красивая и молодая (как прекрасен ее облик на фотографии!). Именно о Солодовниковых, ушедших из этого мира, должны помнить люди, потому что они, прежде всего, достойны памяти.

Список литературы

- Астафьев В.П.* Пролетный гусь / В.П. Астафьев // Астафьев В.П. Восьмой побег. – М., 2007. – С. 547-596.
- Басинский П.* «...и его армия» / П. Басинский // Новый мир. – 1996. – № 1. – С. 218-220.
- Большакова А.Ю.* В. Астафьев и русская литература второй половины XX века / А.Ю. Большакова // Феномен В.П. Астафьева в общественно-культурной и литературной жизни конца XX века : сб. материалов I междунар. науч. конф., посвящ. творчеству В.П. Астафьева. – Красноярск, 2005. – С. 22-29.
- Корман Б.О.* Практикум по изучению художественного произведения : учеб. пособие / Б.О. Корман. – Ижевск : УдГУ, 1977. – 69 с.
- Немзер А.* Замечательное десятилетие. О русской прозе 90-х годов / А. Немзер // Новый мир. – 2000. – № 1. – С. 199-221.
- Петровский Н.А.* Словарь русских личных имен / Н.А. Петровский. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 384 с.
- Саложеникина Т.Б.* Человек и общество в рассказе «Пролетный гусь» / Т.Б. Саложеникина // Литература в школе. – 2009. – № 6. – С. 42-43.
- Тамарченко Н.Д.* Литературоведческие термины: Материалы к словарю / Н.Д. Тамарченко. – Коломна : Коломенский пед. ин-т, 1997. – 265 с.
- Хализев В.Е.* Теория литературы / В.Е. Хализев. – 5-е изд. – М. : Академия, 2009. – 432 с.

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ: ПРОБЛЕМЫ ИЗДАНИЯ

Е.С. Дьячкова

*Научный руководитель: Т.А. Снигирева,
доктор филологических наук, профессор (УрФУ)*

Место записных книжек в творчестве Марины Цветаевой. «“А Вы пишете прозу?” – “Да, записные книжки...”», – такой обмен репликами между Цветаевой и Вяч. Ивановым фиксирует ее запись, сделанная весной

1920 года. И далее: «Я страстно увлекаюсь сейчас записными книжками: все, что слышу на улице, все, что говорят другие, все, что думаю я...» [Цветаева 2001: 169].

Записные книжки Марина Цветаева начала вести еще в юности, в 1913 году. Причиной обращения к этому жанру стало ее особое отношение к письму. Цветаева всегда отмечала, что она не может не писать; письмо было для нее не просто формой общения с окружающим миром, а формой существования. Потребность в непосредственном самовыражении искала себе выхода, именно ее Цветаева ощущала как наиболее индивидуальную свою особенность.

Записные книжки на каком-то этапе стали для нее тем, чем не смогла стать лирика. Сама Цветаева неоднократно отмечала особое отношение к своим записям: «Больше всего в мире – из душевных вещей – я дрожу за: Алины тетрадки – свои записные книжки – потом пьесы – стихи далеко позади, в Алиных тетрадках, своих записных книгах и пьесах я – больше я: первые два – мой каждый день, пьесы – мой Праздник, а стихи, пожалуй, моя неполная исповедь, менее точны, меньше – я» [Цветаева 2001: 42].

Было бы опрометчиво понять цветаевское высказывания в том смысле, что свои записные книжки она ставит *выше* своих стихов. Но записные книжки на каком-то этапе стали более непосредственным выражением ее «я».

Несмотря на приватность и непосредственность записей – доминантные особенности жанра записной книжки, – в данном случае обнаруживается прямая нацеленность на их публикацию, проявляющаяся в комментариях, обращениях к читателю, отборе материала, сочетании в записях элементов «черновика» и «беловика», активной работе со словом. Монологичное повествование автора, также предполагающееся природой записных книжек, нарушается многочисленными голосами других лиц, которые вводятся в текст разными способами.

Перейдем к рассмотрению проблемно-тематических блоков записных книжек.

Первый пласт записных книжек Цветаевой составляют разного рода бытовые записи, относящиеся к повседневной жизни. Сама сфера бытового существования отторгалась Цветаевой, была невыносимой необходимостью, и страницы записных книжек пестрят записями о тяжести каждодневных забот:

«Я дошла до такого состояния, что не смею: *не* стирать, *не* гладить, *не* укладываться, *не* штопать, *не* продавать татарам и т.д.

½ ч. или 1 ч., употребленные на себя, меня мучают.

То, что для других – реальная жизнь (торговаться, продавать,

приписываться, получать разрешения и т.д.), для меня горячечный бред» [Цветаева 2000: 339].

Еще одну грань «Записных книжек» составляют записи Цветаевой о некоторых своих встречах, диалогах, телефонных разговорах, подробно фиксирующих ее реплики и реплики собеседника. Для Цветаевой с ее чутким отношением к слову, с ее умением его услышать было вполне естественным записывать понравившееся или, наоборот, вызвавшие неприязнь высказывания.

Также в записных книжках Цветаевой многочисленны записи о поэзии, поэте, его судьбе и предназначении: «Вздох – слово – вздох. Вот единственный путь поэта», «Поэт, как ребенок во сне: все скажет» [Цветаева 2000: 178]. Большое количество записей посвящено любви и семье, встречаются фрагменты из писем к мужу С. Эфрону, много записей посвящено любимой дочери Але.

Резкое раскрепощение авторефлексии Цветаевой происходит в революционные годы, что в полной мере отражают ее записные книжки. Все «аномальные», неординарные, в том числе и непривлекательные черты собственной личности теперь настойчиво ею фиксировались, обсуждались, декларировались, как бы служа необходимым для автора доказательством собственной особенности: «Я действительно, АБСОЛЮТНО, до мозга костей – вне сословия, профессии, ранга. – За царем – цари, за нищими – нищие, за мной – пустота» [Цветаева 2000: 271].

В записных книжках прослеживается динамика мыслей М. Цветаевой, смена ее ощущений и категорий мышления. Возможность проследить такой процесс является преимуществом жанра записных книжек перед другими жанрами литературы.

Но нужно отметить, что, наряду с прочими, записные книжки выполняют свою первоначальную функцию – фиксации необходимой в повседневной жизни информации. Так на их страницах появляются счета, покупки, цены, планы улиц с записью маршрута, адреса и номера телефонов.

Записные книжки Марины Цветаевой: описание типов изданий и сравнительный анализ.

М.М. Козлова в учебном пособии «Редакторская подготовка литературно-художественных изданий» предлагает следующую типологию изданий:

- для массового читателя (отбираются тексты, представляющие интерес для современного читателя);
- избранное (содержат лучшие произведения различных жанров одного автора);

- неполные собрания сочинений;
- полные собрания сочинений;
- академические собрания сочинений (включают все дошедшее до нас литературное наследие автора) [Козлова 2000].

Типообразующим признаком здесь является целевое назначение издания, его читательский интерес. Из сказанного очевидно, что записные книжки, предназначенные для массового читателя, публикуются весьма кратко, включая лишь основной материал всех записей писателя или поэта. Напротив, в академическое (если таковое имеется) и полное собрание сочинений, как правило, входит максимальный объем сохранившихся записных книжек.

Рассматриваемые записные книжки поэта представлены тремя вариантами:

- Записные книжки, вошедшие в состав собрания сочинений Марины Цветаевой в семи томах, издание 1994 г.;
- «Марина Цветаева. Неизданное. Записные книжки в двух томах», издание 2000–2001 гг.;
- «Марина Цветаева. Записные книжки и дневниковая проза. Избранные тексты», издание 2002 г.

1. Издание записных книжек 1994 г.

Собрание сочинений Марины Цветаевой в семи томах было выпущено издательством «Эллис Лак» в 1994 г. Впервые записные книжки Цветаевой «в чистом виде» были опубликованы именно в семитомнике, если не считать прижизненного издания отдельных их фрагментов, ставших прозаическими произведениями. Однако это издание с трудом можно назвать полноценным, о чем свидетельствует уже название раздела «Из записных книжек и тетрадей».

Объем и тематический пласт данной публикации очень невелик: на первый план выдвигаются две магистральные составляющие жизни Марины Цветаевой, отраженные в ее записных книжках, – семья и творчество. Большинство записей посвящены Але, первой дочери Цветаевой: новорожденная Аля дается во всех подробностях своего младенческого существования, с утомительной повторностью – как новый опыт молодой матери.

Второй «узел» записных книжек – авторефлексия личности и поэта Марины Цветаевой: «Я – бродячая собака. Я в каждую секунду своей жизни готова идти за каждым. Мой хозяин – все – и никто» [Цветаева 1994: 579], «О Боже ты мой, как объяснить, что поэт – прежде всего – СТРОЙ ДУШИ!» [Цветаева 1994: 586].

Кроме того, в публикации записных книжек 1994 г. встречаются емкие афористичные высказывания и фрагменты любовных писем без

указания адресата.

Составители данного издания не дают никаких комментариев относительно отбора материала для публикации, также нет сведений о локальном источнике публикуемого материала: мы не знаем, какие именно записи приводятся по сводным тетрадам Цветаевой, а какие – непосредственно по ее записным книжкам. Кроме того, записи не всегда датированы, что осложняет их соотнесение с периодом жизни и творчества поэта.

Записные книжки в составе собрания сочинений в семи томах следовало бы рассматривать как тип полного собрания сочинений, но объем публикации и тематическое разнообразие не допускают такой классификации. Архив Марины Цветаевой, хранящийся в РГАЛИ, был закрыт до 2000 г. То есть издание собрания сочинений осуществлено без использования данных архива, и, следовательно, оно не может претендовать ни на строгую научность, ни на исчерпывающую полноту.

2. Издание записных книжек 2000-2001 гг.

Московское издательство «Эллис Лак» в 2000 г., уже после открытия архива М. Цветаевой, хранящегося в РГАЛИ, осуществило публикацию ее записных книжек. Серия получила название «Неизданное. Записные книжки». Первый том (2000 г.) составили шесть из двенадцати сохранившихся записных книжек М. Цветаевой с 1913 по 1919 гг., на основе которых в 1920-е годы была создана известная дневниковая проза поэта – «Октябрь в вагоне», «Вольный проезд», «О Германии», «О благодарности» и др. Во второй том (2001 г.) вошли шесть записных книжек Марины Цветаевой за 1919-1939 гг. и три фрагмента 1922, 1925 и 1932 гг. Полностью записные книжки были опубликованы именно издательством «Эллис Лак».

Публикация осуществлена очень корректно, с академической точностью. «Эллис Лак» расширил научный аппарат издания записных книжек: при подготовке текста составители активно использовали архив Цветаевой, хранящийся в РГАЛИ. Кроме того, даны качественные комментарии к тексту каждой записной книжки, приводится расшифровка многочисленных сокращений.

В качестве иллюстраций к «Записным книжкам» приводятся репродукции страниц подлинных тетрадей М. Цветаевой, среди которых встречаются чертежи маршрутов, планы улиц, карандашные наброски на полях, фотографии и др. К каждой иллюстрации составители дают комментарий. Такая визуализация создает эффект читательской причастности к тексту, делает проникновение в жизнь творца максимально доступным.

Тематические блоки, представленные в записных книжках (по

изданию 2000-2001 гг.), были обозначены ранее. Напомним, что это записи об Але, личные переживания, житейские наблюдения, счета, адреса, даты назначенных встреч, записи о «чердачной жизни» в период революции, Гражданской войны и жизни в Москве, поздние фрагменты связаны с первыми годами жизни за границей. Последние записи Цветаевой – своеобразный отчет пути из Гавра в Ленинград на пароходе в 1939 г.

Тематическое многообразие записанного позволяет получить представление об основных вехах духовной жизни поэта, последовательно проводившего по своей жизни формулу «писать – значит жить». Издание записных книжек, осуществленное «Эллис Лак», подтверждает особый статус данного жанра – записные книжки перестают быть просто «записями на случай», они преобразуются в художественное произведение, прозу жизни Цветаевой.

Это издание соответствует всем принципам академического собрания сочинений, но, так как до сих пор не существует академического собрания сочинений Марины Цветаевой, его можно назвать специализированным академическим.

3. Издание записных книжек 2002 г.

В 2002 г. издательство «Захаров» с опорой на публикацию «Эллис Лак» также издает записные книжки поэта. На сегодняшний день это последнее издание произведений Марины Цветаевой данного жанра.

Редакторы обозначают свою позицию следующим образом: «Здесь публикуется лишь то, что представляет очевидный интерес для широкого читателя, – и в более привычном для чтения виде. Сохранена бóльшая часть авторского синтаксиса и даже орфографии – кроме тех случаев, когда это затрудняло бы чтение и понимание текста» [Цветаева 2002: 4].

Тематический пласт записных книжек данного издания гораздо уже, чем у «Эллис Лак»: материнство, любовь, литература, самоидентификация.

Некоторые цветаяевские лаконичные высказывания, содержащие жизненные обобщения, воплощенные в формуле, соответствуют критериям афористичности – краткость, запоминаемость, образность: «В мире ограниченное количество душ и неограниченное количество тел» [Цветаева 2002: 30]; «Грустно признаться, но хороши мы только с теми, в чьих глазах еще можем что-либо приобрести или потерять» [Цветаева 2002: 128].

«Захаров» не публикует бытовых, относящихся к повседневной жизни, записей М. Цветаевой, также не встречается заметок о встречах и телефонных разговорах, планах на день, крайне редки фрагменты писем.

Тематическая нагруженность, объем публикации и, в первую очередь,

принцип ее составителей позволяют назвать данный вариант изданием для массового читателя.

4. Сопоставительный анализ изданий записных книжек.

Самую полную и по объему, и по содержанию публикацию записных книжек Марины Цветаевой осуществило издательство «Эллис Лак» в 2000-2001 гг. Составители открыли почти не известную ранее сторону феномена Марины Цветаевой: текст, где суммирован весь ее творческий и жизненный опыт.

Самая ранняя (1994 г.) и самая поздняя (2002 г.) публикации, несмотря на хронологическую разницу, осуществлены весьма кратко и не претендуют на исчерпывающую полноту по разным причинам.

Издатели записных книжек 1994 г., входящих в семитомник, не имели возможности работать с архивом М. Цветаевой, чем и объясняется ограниченность публикуемого. Однако здесь впервые улавливается намек на существование записных книжек именно как жанра литературы, стоящего рядом с прозой Цветаевой.

Издание 2002 г., несмотря на доступность материала, изначально не ставило себе цели всеобъемлющей публикации. Составители хотели привлечь к записным книжкам Цветаевой современного читателя, включив в свою книгу то, что наверняка будет интересно: размышления о творчестве, афористичные высказывания о жизни вообще и о вечном женском – любви и материнстве.

Записные книжки Марины Цветаевой были опубликованы в разное время, в разных условиях и с ориентацией на разные целевые аудитории, следовательно, они относятся к разным типам литературно-художественных изданий, но все вместе они замечательны тем, что стремятся дать наиболее полную картину личной стороны жизни поэта, проследить динамику мыслей Цветаевой соответственно меняющемуся ходу жизни, а также показать первоисточки цветаевской прозы. Именно поэтому записные книжки М. Цветаевой заслуживают пристального внимания исследователей.

Список литературы

Воспоминания о Марине Цветаевой / сост. Л. Мнухин, Л. Турчинский. – М. : Советский издатель, 1992. – 584 с.

Козлова М.М. Издание произведений классической художественной литературы. Жанры и типы литературно-художественных изданий / М.М. Козлова // Козлова М.М. Редакторская подготовка литературно-художественных изданий : учеб. пособие для студентов специальности «Издательское дело и редактирование». – Ульяновск : УлГТУ, 2000 [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eartist.narod.ru/text12/59.htm> (дата обращения: 24.12.2012).

Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество / А. Саакянц. – М. : Эллис

Лак, 1997. – 761 с.

Снигирева Т.А. Жанр записных книжек в русской литературе: от документального к художественному / Т.А. Снигирева, А.В. Подчиненов // Снигирева Т.А., Подчиненов А.В. Век девятнадцатый и век двадцатый русской литературы: реальности диалога. – Екатеринбург, 2008. – С. 150-169.

Цветаева М. Автобиографическая проза. Дневниковые записи. Воспоминания о современниках. Эссе. Письма / М. Цветаева. – Екатеринбург : У-Фактория, 2003. – 768 с.

Цветаева М. Записные книжки и дневниковая проза / М. Цветаева. – М. : Захаров, 2002. – 399 с.

Цветаева М. Неизданное. Записные книжки : в 2 т. / М. Цветаева. – Т. I : 1913-1919. – М. : Эллис Лак, 2000. – 560 с.

Цветаева М. Неизданное. Записные книжки : в 2 т. / М. Цветаева. – Т. II: 1919-1939. – М. : Эллис Лак, 2001. – 544 с.

Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради / М. Цветаева. – М. : Эллис Лак, 1997. – 756 с.

Цветаева М. Собр. соч. : в 7 т. / М. Цветаева. – Т. 4 : Воспоминания о современниках. Дневниковая проза. – М. : Эллис Лак, 1994. – 592 с.

Шевеленко И. Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи / И. Шевеленко. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 464 с.

СТРУКТУРА МИФОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

С.Н. Петренко

*Научный руководитель: А.Х. Гольденберг,
доктор филологических наук, профессор (ВГСПУ)*

Символическое освоение жизненного пространства всегда являлось для этноса одним из важнейших механизмов его самоидентификации. «Любая деятельность человека как *homo sapiens*'а связана с классификационными моделями пространства, его делением на “свое” и “чужое” и переводом разнообразных социальных, религиозных, политических, родственных и прочих связей на язык пространственных отношений», – отмечал Ю.М. Лотман [Лотман 1992: 142]. Современный исследователь городского фольклора справедливо указывает на его мифологические корни: «Важнейшая предпосылка формирования всякой городской мифологии – ...представление о “*genius loci*”, т.е. о “душе местности”, только ей присущем характере» [Равинский 2003: 412]. В городской культуре проявляются такие традиционные для мифологического сознания оппозиции, как *свое/чужое, освоенное/неосвоенное*, которые пытаются разграничить пространство города.

Маркированность городского пространства является существенной структурной особенностью в целом ряде жанров современного детского